

В.М.Давыдов

Восходящие страны-гиганты на современной мировой арене

Выделение группы БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) в качестве новых полюсов мировой экономики и политики носит объективный характер. Для РФ группа БРИК является особо значимой альтернативой стратегического позиционирования на мировой арене. Чем результативнее будет наше взаимодействие в этом формате, тем «деликатнее» придется действовать «коллективному западу» применительно к России.

Ключевые слова: БРИК, многополярный миропорядок, стратегическое позиционирование России.

С начала текущего десятилетия в научных и политических кругах в стране и за рубежом зреет понимание того, что на мировой арене стартовал **переходный процесс перераспределения сил и влияний**. Наше убеждение состоит в том, что **речь идет о тектонических сдвигах** (имеющих, конечно же, исторически продолжительное действие), **которые мы пока не осознаем в полной мере**. Не осознаем, в частности, в силу инерции западоцентрического мировоззрения, укоренившегося и в наших пенатах. С одной стороны, в мировой системе XXI в. успех будет сопутствовать тем, кто своевременно и адекватно оценит значение таких сдвигов, их перспективу, риски и новые возможности, сумев соответствующим образом построить свою долгосрочную стратегию и внести необходимые коррективы в тактику каждого этапа. С другой стороны, очевидно, что «не осознавших» и «не сумевших» ожидают не самые лучшие времена, обусловленные стратегическими и тактическими просчетами, времена, усугубленные напрасным расходом сил и средств и посему сопровождаемые торможением развития, а порой и маргинализацией в мировом контексте.

Очевидно, что в основе начавшегося переходного процесса находится **неравномерность экономического и технологического развития**, которая усилилась вопреки первоначальным (вульгарно неолиберальным) трактовкам глобализации, делавшим упор на унификацию мирового экономического и социокультурного пространства. Но, как мы все больше убеждаемся, глобализация (во многом определяющая качество переходности ны-

---

Владимир Михайлович Давыдов — доктор экономических наук, профессор, директор ИЛА РАН.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 09-06-00171-а «БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай): социально-исторические и культурные парадигмы современного экономического и научно-технического сотрудничества».

нешней эпохи) действует **асимметрично, проциклично и создает немало противоречивых эффектов.**

Касательно последнего достаточно сослаться на такой аргумент, как **ревалоризация природных ресурсов.** Происходит не конъюнктурная, а долговременная инверсия ценовых «ножниц» на мировом рынке. Глобализация вводит в мировой экономический оборот все большие массивы производственных мощностей, особенно на бывшей периферии и полупериферии мировой экономики. Потребности и спрос опережают наличие и выпуск сырьевых товаров и их производных. На соответствующих товарных рынках возникает ситуация дефицита, давая существенные торговые и финансовые преимущества ресурсоизбыточным субъектам мировой экономики. Но, разумеется, тенденция ревалоризации действует не абсолютно, а проциклично. И лучшее свидетельство тому — нынешний экстраординарный мировой кризис. Он может быть продолжительнее ординарных циклических спадов, и соответственно дольше продержится падение спроса на природное сырье, но неизбежно предстоящее оживление принесет восстановление высокой ценовой конъюнктуры.

Далее, глобализация опосредуется регионализацией экономического пространства, которая, с одной стороны, устраняет межгосударственные барьеры, с другой — возводит новые, пусть и на расширенном пространстве. Глобализация меняет композицию сравнительных и конкурентных преимуществ, предоставляя дополнительные или новые ниши одним и лишая прежних возможностей других.

Глобализация, конечно же, меняет статус нации-государства, поскольку изымает у нее (него) часть прерогатив, передавая их в пользу транснациональных и наднациональных структур. Мы также видим растущее противоречие между сохранением (относительным — в той или иной мере в зависимости от конкретной ситуации) функций политического суверенитета за национальным государством и ослаблением его контроля в области экономического суверенитета. Два вышеуказанных обстоятельства сказываются прежде и сильнее всего на положении и позиционировании малых и средних государств. Но применительно к крупным и особо крупным государствам, обладающим «критической массой» ресурсов развития, это отнюдь не фатально. На мировой сцене они остаются основными персонажами. В любом случае пока рано (может быть, очень рано) прощаться с ключевой ролью нации-государства, которая для международного сообщества будет системообразующей (молекулой миропорядка) и на протяжении XXI в. Разумеется, при этом необходимо учитывать активное соседство и расширяющееся поле действия старых и новых транснациональных структур — мировых церквей, банков и корпораций, интернационально организованных политических движений и неправительственных организаций. Весомая роль, несомненно, будет принадлежать и интеграционным группировкам, особенно тем, которые переходят в категорию мегаблоков. Конкурировать с ними смогут только страны-гиганты. Именно в этой версии нация-государство будет в полной мере подтверждать свое первоначальное значение.

В оценках современной ситуации в мировой экономике и политике, в долгосрочных прогнозах мирового развития эксперты авторитетных аналитических центров совершенно различной принадлежности совпадают в выделении группы перспективных лидеров в лице БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай). Ка-

залось бы, речь идет о странах-гигантах с разной исторической траекторией развития, с разной композицией сравнительных и конкурентных преимуществ. Но, несомненно, обладающих «критической массой» ресурсов развития.

Феномен восхождения стран-гигантов исторически не нов. Достаточно сослаться на прецедент США. И историческая практика говорит, что эффект восхождения одних должен сопровождаться эффектом нисхождения (либо абсолютного, либо относительного) других. Сегодня мы воочию наблюдаем относительное торможение экономического роста и технологического обновления в старых центрах (США и другие члены «большой семерки») на фоне опережающего развития экономик группы БРИК. Долгосрочные прогнозы авторитетных зарубежных и отечественных специалистов (правда, сделанные до кризиса, развернувшегося в 2008 г.) подтверждают, что уже через три десятилетия по абсолютному объему ВВП в лидирующей семерке останутся только США. Можно по-разному относиться к прогнозным оценкам. Обгон может состояться несколько раньше либо несколько позже (в частности, в зависимости от последствий нынешнего экстраординарного кризиса в мировой экономике). Но на настоящий момент точная дата нам не столь уж важна. Важны долговременная тенденция и общие пропорции.

Почему в старых центрах возобладала нисходящая тенденция? Наверное, во-первых, из-за перегрузки экономики непроизводительными (а порой и паразитическими) расходами (особенно в случае США), в силу избыточной сатурации внутреннего рынка, из-за растущего разрыва между «виртуальной» и «реальной» экономикой, когда «виртуальная» плодит производные производных финансовых инструментов в отсутствие соответствующих институциональных регуляторов. Затем, в силу прогрессирующего расхождения между мотивациями действий политического (государственного) руководства и мотивацией поведения бизнеса в условиях глобализации, приводящей к эмиграции производства и, соответственно, к утере рабочих мест. Другое обстоятельство — изменение структуры издержек производства, которое сплошь и рядом ведет к понижению (относительному) уровня конкурентоспособности в центрах мировой экономики.

В чем, с другой стороны, причины восхождения, проявляющегося в странах БРИК? Ключевое значение, как уже говорилось, имеют «критическая масса» ресурсного обеспечения, а также структура издержек производства более благоприятная для высокой динамики экономического роста по сравнению со структурой, присущей, традиционным полюсам.

При наличии совокупной «критической массы» восхождения во всех четырех случаях очевидны особые преимущества и, конечно, свои слабые места у каждого гиганта. Попытаемся бегло охарактеризовать и то, и другое. Явные слабые места в российском случае — неблагоприятная демографическая ситуация, малая плотность и низкое качество базовой инфраструктуры. В Китае, Индии и Бразилии — массовая бедность и отсталость в распространении образования. Общий фон четверки — крайняя степень социальной дифференциации и территориальная диспропорциональность экономического развития. При высоком ресурсном обеспечении и в Китае, и в Индии ограничителем роста остается энергодефицитность экономики. До последнего времени тем же характеризовалась ситуация в Бразилии. Но недавнее открытие в этой стране крупных месторождений нефти и газа обещает переход к ситуации энергоизбыточности. Россия несомненно превосходит других членов группы в обеспеченности энерге-

тическим сырьем и другими природными ресурсами. В этом отношении к ней приближается только Бразилия. Другое наше преимущество — относительно высокий уровень образованности и все еще крупный и диверсифицированный задел в научной области. В Китае и Индии низкий средний уровень образованности компенсируется наращиванием абсолютной численности специалистов высшей квалификации, что позволяет решать задачи кадрового обеспечения на перспективных направлениях экономического развития. Китай, прежде всего, а также Индия и Бразилия демонстрируют способность к преодолению отставания в научно-технической области. Россия, имеющая в этой области серьезные предпосылки, стремится — пусть с опозданием — создать эффективный инновационный механизм.

Несомненным лидером в военно-технической области остается Россия. К ней приближается Китай. Нарастивает свой ВПК Индия, де-факто ставшая ядерной державой. Бразилия в этом отношении придерживается сдержанной позиции, хотя и является «пороговым государством», владеющим полным циклом ядерной технологии. Здесь же мы видим достаточно разветвленную отрасль по производству военной техники.

С точки зрения способности поддерживать **высокую динамику экономического роста** несомненным лидером остается Китай, более двух десятилетий доказывающий эту способность фактически без пауз. Менее высокие темпы роста, но существенно превосходящие среднемировые, демонстрировали до 2008 г. Индия и Россия. Казалось бы, довольно бледно на этом фоне выглядела Бразилия, которая лишь в последнее пятилетие превзошла среднемировой темп прироста ВВП. Но согласимся, что сегодня и 4—5% прироста ВВП — неплохой показатель для экономики столь крупного масштаба. Это в любом случае контрастирует с вялой или же отрицательной динамикой в старых центрах мировой экономики. Кроме того, потенциальная способность Бразилии к динамичному росту подтверждается практикой 60—70-х годов, когда бразильский ВВП увеличивался темпом, сопоставимым с нынешним китайским. Тогда небезосновательно говорили о бразильском экономическом чуде.

В условиях экстраординарного мирового экономического кризиса торможение роста ВВП происходит во всех странах группы БРИК, в Китае — практически вдвое, в Индии — почти вдвое. В России, не успевшей завершить до кризиса консолидацию своей хозяйственной системы, разбалансированной в 90-е годы и не сумевшей предпринять стратегический разворот в сторону инновационной модели, вероятен, увы, заметный спад — на уровне примерно 6% ВВП, по последней оценке МВФ. В чем на этом фоне причины пока еще проявляемой устойчивости бразильской экономики? Определенный консерватизм и сохранение национального контроля в кредитно-банковской сфере, существенное сокращение к началу кризиса внешнего госдолга наряду с умеренной внешней корпоративной задолженностью, диверсификация внешней торговли и по ее географии, и по ее номенклатуре. Особое значение имеет насыщение бразильского экспорта технически сложной продукцией. Один пример: тогда как у крупнейших авиапроизводителей мира в 2008 г. повсеместно происходило существенное сокращение продаж, бразильская авиастроительная корпорация «Embraer» (третья после «Boeing» и «Airbus») перевыполнила свой годовой план, продав свыше двухсот самолетов.

Вместе с тем в группе БРИК имеется ряд общих преимуществ, значение которых заметно возросло в условиях экстраординарного мирового эконо-

мического кризиса. При всех различиях и нюансах в хозяйственной системе стран группы БРИК везде следует вести речь, во-первых, о **многоотраслевом промышленном комплексе** (самообеспеченность в широком диапазоне), во-вторых, о **ключевой роли внутреннего рынка** при всех видимых последствиях прогрессирующего вхождения в мировой рынок. В-третьих, об **особо значимой** и исторически обусловленной, организующей и направляющей **роли государства** при несомненно расширившейся сфере действия рыночных отношений и росте потенциала национального частного предпринимательства.

До недавних пор считалось, что общей слабостью хозяйственных систем стран БРИК, препятствующей вхождению в круг мировых экономических лидеров, являлось отсутствие мощных структур транснационального бизнеса, выросших на национальной почве. В последние годы эта ситуация меняется, причем ускоренным темпом. Достаточно сослаться на примеры компьютерного гиганта «Lenovo» и финансовой группы «СІТІС» (Китай), производителя и экспортера программного обеспечения «Infosys» и промышленной группы «TATA Industries» (Индия), уже упомянутой «Embraer» и горнорудного гиганта CVRD (Бразилия). На слуху в транснациональном бизнесе и наши брэнды — «Газпром», «Лукойл», «Русал», «Северсталь» и «Норникель». Увы, на мировом рынке почти не звучат имена наших производителей машинно-технической продукции, корпораций, действующих в сфере телекоммуникаций, информатики и других областях высоких технологий. Начало, пожалуй, положено АФК «Система», вышедшей на индийский рынок мобильной связи.

Несмотря на скромное пока представительство корпораций и банков БРИК в мировых списках гигантов транснационального бизнеса, их доля в этих списках в последнее десятилетие росла год от года. Западные аналитики с тревогой стали говорить, что **темпы роста транснационалов из зоны БРИК существенно** (в несколько раз) **превосходят темпы роста ТНК и ТНБ, базирующихся в старых центрах мировой экономики**. Показательно, что сфера их действия не ограничивается «нарождающимися рынками». Они все чаще и масштабнее вступают на метропольную территорию традиционных центров мировой экономики. Пошатнувшиеся в США, Канаде, Западной Европе активы (финансовые, промышленные, телекоммуникационные) скупаются китайскими, индийскими и бразильскими транснационалами. Есть примеры подобных инвестиций и со стороны российского бизнеса. Не исключено, что нынешний спад (уже ставший экстраординарным) приведет, как водится, к «естественному отбору», ослабив позиции старых транснационалов и повысив роль «новообращенцев» с корнями в зоне БРИК. Их может поддержать «подушка безопасности», накопленная государством, и его активное антикризисное вмешательство, а также иная — относительно более благоприятная — структура издержек производства.

Насколько гарантировано то, что молодые транснациональные «волки» могут быть удержаны в сфере национального контроля? («Сколько волка не корми...»?!). Насколько могут и будут расходиться стратегические линии наций-государств БРИК и транснационалов с корнями в зоне БРИК? Наконец, насколько в данном случае государство в зоне БРИК способно будет преодолевать противоречия между логикой транснационального бизнеса и логикой национальных стратегических интересов? Уроки старых центров мировой экономики не очень-то обнадеживают в этом смысле (в том числе по части игнорирования социальных императивов, ухода от социальной ответственности

по отношению к стране базирования и т.д.). Не станет ли транснационализация национального бизнеса входить в противоречие с «проектом восхождения», основным носителем которого при всех прочих остается национальное государство? Очевидно, что в долгосрочной перспективе судьба «проектов восхождения» в зоне БРИК будет зависеть от возникновения своего рода «механизма солидарности» между бизнесом и государством.

Далее естественным образом возникает **вопрос политической преемственности в реализации «проекта восхождения»**, связанной с качеством национальной элиты, ее способностью сочетать поколенческое обновление с креативной, конструктивной преемственностью. Следует откровенно признать: в долгосрочном плане эта важнейшая предпосылка не очень-то поддается рациональному прогнозированию. И автор вполне осознает, что, рассуждая на эту тему, мы вступаем на достаточно зыбкую почву. Увы, история в этом отношении подтверждает свою спонтанность. Но можно все же говорить о способности и вероятности сохранения во временной перспективе определенного коридора стратегических решений. Прорисовываются ли в траектории развития гигантов некие направляющие рамки, ограничивающие диапазон отклонений от «генеральной линии» восхождения? Думаю, с определенной долей условности можно говорить о том, что так или иначе подобный коридор просматривается во всех четырех случаях. И, как представляется, за неимением лучших инструментов, «коридор стратегической преемственности» может стать достаточно плодотворной категорией в долгосрочном политическом прогнозе.

В **Бразилии** политическая воля верхов традиционно замешана на «проекте восхождения» (или на великодержавном сознании) будь то во времена военного режима либо политической «игры» в условиях плюралистической демократии. Этим во многом и определяется коридор. Ось политической жизни Бразилии сместилась в последнее время влево, и «проект восхождения» довольно четко прослеживается в стратегии нынешней администрации, сформированной лидером социалистической Партии трудящихся. Нельзя исключать, что следующий электоральный цикл приведет к власти другую более умеренную социал-демократическую партию. Но та также сохраняет в своей идеологии великодержавные ориентиры. И даже если в более отдаленной перспективе предположить возможность поправления бразильского истеблишмента, мало что изменится в ориентации на восхождение. Великодержавная идея укоренена в общественном сознании бразильцев независимо от политических симпатий. И это, между прочим, называется на диапазоне целеполагания экономической политики.

Напомним, что в 90-е годы, когда практически повсеместно торжествовала неolibеральная доктрина, приводящая к децентрализации экономики и умалению государства и его экономического суверенитета, в Бразилии в период правления социал-демократа Ф.Э.Кардозо неolibеральные реформы осуществлялись дозированно и взвешенно. Не допускались те крайности в приватизации, либерализации предпринимательской практики и открытии внутреннего рынка, которыми злоупотребляли реформаторы в других странах. Неудивительно, что администрации Л.И.Лулы да Силвы, сменившей правительство Ф.Э.Кардозо и вступившей на стезю национально ориентированного неокейнсианства, не пришлось вносить серьезные коррективы в экономический механизм страны.

В какой-то мере к бразильской ситуации близок **индийский сценарий**. «Самая многонаселенная демократия мира» при всех отклонениях в экономической и социальной политике (от Джавахарлала Неру до Манмохана Сингха) осознает свой неординарный потенциал и историческое предназначение. Иными словами, существует некая константа общественного сознания и политической воли, которая задает вектор развития, создавая более широкий либо более узкий коридор вариаций.

Применительно к **Китаю** об этом можно, видимо, говорить с большей долей уверенности, учитывая особенности его политической системы и уже доказанную ею способность обеспечивать преемственность стратегического курса при обновлении политической элиты. Можно даже говорить о том, что здесь «коридор» гораздо уже, чем в других странах четверки. К такому выводу подводит изучение работ выдающегося российского китаевода академика М.Л.Титаренко, его апелляция к особенностям исторического развития страны, китайской цивилизации, национального менталитета*.

Россия, несмотря на нашу погруженность в родную стихию, несмотря на то, что мы являемся зрителями изнутри, а порой и непосредственными персонажами современной российской сцены, задает нам немало загадок. Но, может быть, это объективно и неизбежно. Ведь, во-первых, новый российский сценарий (условно — путинско-медведевский) утвердился совсем недавно. Во-вторых, частые переломы нашей истории на протяжении прошлого века, похоже, не внушают большого оптимизма относительно стратегической преемственности. Да, и в-третьих, при всем правопреемстве относительно Советского Союза речь все же идет о новом субъекте мировой экономики и международных отношений. Убеждать нас могут достигнутая степень политической консолидации общества; восстановление управляемости государством; укрепление национального самосознания и, конечно, динамичность экономического роста 2000—2008 гг., разумеется, если ее удастся восстановить после кризиса с наименьшей потерей времени.

Положа руку на сердце, применительно к России еще трудно говорить о четко прочерченном коридоре («В Россию можно только верить»?!). Но все же думаю, и в российском, и в трех остальных случаях есть общее особое качество, которого лишены многие другие страны и которое позволяет усматривать наличие коридора, задающего направление развития на дальнюю перспективу. Дело в том, что в группе БРИК в любом случае речь идет не только о странах-гигантах. Это не просто гигантские государственные образования, это — системообразующие носители, ядра самобытных цивилизаций пусть с иноцивилизационными примесями (иногда значительными). Но мы-то ведем речь о доминирующем цивилизационном качестве! За странами БРИК вековая мощь китайско-конфуцианской, индубуддийской, латиноамериканской и славяно-православной цивилизаций. Цивилизационное качество придает странам БРИК, каждой в отдельности, силы для исторического выживания, сохраняет импульсы самовоспроизводства в самых неблагоприятных обстоятельствах.

Как показывают история и современная практика, «проект восхождения» стран-гигантов и обретения ими качества мирового лидерства сбывается в том

---

* См., например: М.Л.Т и т а р е н к о. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М., 2008.

случае, если они способны проецировать свое влияние, свои динамические импульсы на географическое окружение. То есть, проделать свой путь от региональной к великой державе, входящей в клуб глобального регулирования. Разумеется, для этого предварительно необходимо создать на собственной основе достаточно эффективную экономическую модель и устойчивую политическую систему. Кроме того, опять же, разумеется, речь должна идти о такой модели развития, которая обеспечивает механизм инновационного развития. Сегодня мы видим определенные предпосылки такого рода во всех четырех случаях. Но далеко не везде удачно складываются предпосылки для создания собственной зоны влияния (как в целях образования пояса безопасности, так и в целях получения дополнительного рыночного пространства).

До сих пор мы утверждали, что восходящие страны-гиганты — это те, которые способны стать самостоятельным фактором развития вне зависимости от интеграционных блоков. Но это до определенной степени. В последнее время довольно энергично формирует собственную зону влияния Бразилия (Меркосур, Южноамериканский союз), причем в соперничестве с США. У Индии явно меньше возможностей, учитывая иноцивилизационное окружение и геополитическую «зажатость» между мусульманским миром и зоной китайской экспансии. Однако и в этом случае предпринимаются определенные усилия.

В рамках четверки наибольшие возможности для относительно автономного восхождения, пожалуй, остаются только у Китая. Тем более, учитывая вероятность резкого наращивания экономического и технологического потенциала в случае присоединения Тайваня (симптоматично в последнее время налаживание контактов на высшем государственном уровне между континентальной державой и островным анклавом). Мы уж не говорим о китайской диаспоре, которая сыграла исключительную (неповторимую) роль в реализации проекта восхождения КНР.

До сих пор стратегия Китая на мировой арене и в азиатском окружении характеризовалась воздержанностью от великодержавной ответственности. В Пекине укрепилась идея, что от великодержавной ответственности целесообразно уклоняться, по крайней мере до тех пор, пока в стране не будет обеспечен если не решающий перевес, то хотя бы паритет сил по отношению к оппонентам. Тем не менее лед тронулся и на этом направлении. Экономическая экспансия в юго-восточной Азии, активно поддерживаемая многомиллионной китайской диаспорой, исподволь создает интеграцию де-факто. Однако вероятность интеграции существует и де-юре в формате АСЕАН+КНР (или даже в расширенном составе с участием Японии и Южной Кореи).

Россия в этом отношении находится на сложном перепутье. Проект СНГ не смог перевоплотиться в интеграцию нового типа. Впрочем, как считают скептики, и предпринимался он изначально для цивилизованного развода, а не для брачного союза. Неудовлетворительны пока и результаты «частичной интеграции» в рамках ЕвроАзЭС, ЕЭП (единого экономического пространства, рассчитанного на часть СНГ) или «союзного государства» РФ и Белоруссии. Можно определенно сказать, что основная причина в том, что долго не соблюдалось неперемное условие: в самой России не складывалась привлекательная модель с экономической эффективностью и политической устойчивостью, которая способна оказывать магнетическое воздействие на окружающее пространство. Все это означает, что Россия сможет обрести шансы лидерства наравне с другими

странами БРИК, лишь реально и полновесно заполнив «пустующие ниши» в своем арсенале восхождения качествами региональной державы.

На более высоком уровне дальнейшее восхождение предусматривает способность к построению конструктивных международных альянсов за пределами зон регионального влияния, институциональных структур, формирующих новую международную архитектуру, адекватную требованиям XXI столетия. Разумеется, в данном случае имеется в виду способность проводить подлинно многовекторную, универсальную внешнюю политику.

Наконец, как реальный результат процесса восхождения, следует иметь в виду эффективный доступ в «клуб глобального регулирования». В какой мере все страны БРИК отвечают данным критериям? Очевидно, что в полной мере эти условия, увы, пока еще не соблюдены.

В интерпретации скептиков БРИК расценивается как некая виртуальная (умозрительно составленная) группа, лишенная объективных основ («общего знаменателя») для активного взаимодействия. Наш же анализ подводит к выводу о том, что подобный взгляд продиктован инерционностью мышления, своего рода «фазовым запаздыванием». В рассуждениях скептиков довлеют представления вчерашнего дня. Но все же их можно понять. Реальность восхождения БРИК — плод исторически очень молодой. Она стала рельефно проступать лишь несколько последних лет (в индивидуальном порядке старше только китайский феномен).

Диапазон различий в группе БРИК действительно очень широк. Восходящие гиганты сходятся преимущественно в итоговом зачете — в силу обладания «критической массой» восхождения. До недавнего времени в большинстве случаев не просматривалось большой интенсивности торгово-экономических отношений — то, что могло бы наглядно показать практическую взаимную заинтересованность.

Еще в 90-е годы торгово-экономические отношения между отдельными странами БРИК находилась на минимальном уровне. На рубеже следующего десятилетия в рамках БРИК начинает сказываться экспортная экспансия Китая. Последние несколько лет (до 2008 г.) перекрестная торговля БРИК превосходила средние темпы роста объема мировой торговли. Более того, она превосходила темпы роста экспорта по каждому отдельному случаю в рамках четверки. Это — лучший аргумент в пользу тезиса об объективной взаимодополняемости.

Конечно, интенсивность экономического взаимодействия в двустороннем формате далеко не равнозначна. И здесь, конечно, играют роль геоэкономические и геополитические обстоятельства со своими историческими корнями. Симптоматичный показатель — китайско-индийское сотрудничество, начинающее преодолевать былые счеты и давнее соперничество. Это, быть может, в наибольшей степени отражает эффект глобализации, с одной стороны, а с другой — взаимное тяготение в формате БРИК.

Превосходство России и Бразилии в обеспеченности природными ресурсами, а также в возможностях массового производства продовольствия (Бразилия — реально; Россия — потенциально) совершенно объективно привлекает и будет привлекать демографически избыточные Китай и Индию, имеющие изъяны по ряду ключевых позиций минерального сырья (прежде всего энергетического) и продовольственного обеспечения. В свою оче-

редь, динамичное промышленное развитие Китая, а также Индии (на ряде направлений), повышение — в той или иной мере — платежеспособности на обоих рынках увеличивают масштабы инвестиционного и личного потребления и, соответственно, спроса на сырье и полуфабрикаты из России и Бразилии. Очевидно, что это — не конъюнктурная, а долгосрочная тенденция.

Россиян, естественно, интересует отход от сырьевой специализации. Учитываемая существенно укрепившийся промышленный потенциал и возросший технологический уровень наших партнеров по БРИК, нельзя рассчитывать на то, что в ближайшей перспективе мы (Россия) сможем представлять на их рынках в качестве крупных поставщиков конкурентоспособной машинно-технической продукции. В ближайшей и среднесрочной перспективе коммерческий успех нам будет сопутствовать преимущественно тогда, когда российские производители и экспортеры энергично и инициативно вступят в партнерские отношения с местными корпорациями. Объективные же условия для такого сотрудничества уже вполне созрели у всех наших партнеров по БРИК. Взаимная заинтересованность в расширении экономического партнерства, несомненно, будет возрастать по мере увеличения веса в мировой экономике отдельных членов БРИК и четверки в совокупности.

Позволительно ли абстрагироваться от расхождения интересов в четверке гигантов, от проявления соперничества на определенных рынках? Ответ очевиден. Нам хорошо известно, что такое соперничество налицо в Центральной Азии, в Юго-Восточной Азии и Латинской Америке. Речь идет о конкуренции в сбыте однотипной продукции, в доступе к источникам минерального сырья, особенно энергоносителей. В подобных случаях продолжение «эгоистического поведения» допустимо до определенных пределов, за которыми больше потерь, чем приобретений.

На международной арене у каждого представителя четверки есть свои специфические приоритеты, которые, откровенно говоря, мало волнуют остальных гигантов. Но, пожалуй, это больше сказывается в региональном разрезе. Вопрос в другом: как выглядит поле несовпадения интересов (либо взаимной индифферентности) по сравнению с полем их совпадения?

Нам представляется, что **на обозримую перспективу поле совпадения существенно шире поля расхождения**. Во-первых, рассмотрим сами приоритеты восхождения. Наряду с проблемами, проявляющимися себя в индивидуальном порядке, налицо широкий круг общих проблем. Так, растущий экономический потенциал БРИК и увеличивающийся геополитический вес требуют международного признания меняющегося статуса. Но в той или иной степени это встречает противодействие старых центров мировой экономики и политики.

В данном контексте речь идет о доступе в клуб глобального регулирования. Россия, казалось бы, имеет наибольший доступ, являясь постоянным членом Совбеза ООН, входя в «большую восьмерку». Но она слабо представлена (а иногда не представлена) в ключевых международных институтах финансового и торгового профиля. Китай, обладая постоянным членством в Совбезе ООН, пока не имеет полного представительства в Г-8 и адекватной квоты голосов в Международном валютном фонде и Всемирном банке. Бразилия и Индия — претенденты на вхождение в СБ ООН и также заинтересованы в увеличении своего веса в международных финансово-экономических организациях. Очевидно, что достижение взаимопонимания по всем этим вопросам в рамках группы БРИК и ее солидарная дипломатия могут существенно ускорить решение соот-

ветствующих проблем, нейтрализовать противодействие. В поле явного совпадения интересов входит также обеспечение недискриминационного доступа на рынки «коллективного Запада» (Евросоюз, НАФТА).

Сегодня на передний план выходит проблема нейтрализации импульсов кризиса, идущих от американской экономики. Все страны БРИК в равной мере заинтересованы в противодействии политике «экспорта кризиса», в предотвращении использования эпицентрами рецессии «подушек безопасности», созданных в странах БРИК. Становится все более очевидным, что без стран группы БРИК не могут быть преодолены ключевые глобальные проблемы: нераспространения и эффективного международного контроля ОМУ, борьбы с международным терроризмом и наркотрафиком, противостояния масштабным экологическим угрозам, последствиям глобального потепления и т.д. На этом поле коллективные действия и солидарность БРИК могут стать решающими факторами в интересах всего международного сообщества.

Еще один аргумент скептиков в подтверждение виртуальности БРИК связан с тем, что эта группа не институционализована должным образом. На настоящий момент такая точка зрения опять же устарела. События быстро развиваются и на этом направлении, хотя, может быть, и не соответствуют представлениям чересчур требовательных скептиков.

Институционализация взаимодействия, формирование консультационного механизма исходило от разных отправных точек. На евроазиатском пространстве происходило сближение Китая и России, институционально реализовавшееся в рамках ШОС. Затем к процессу подключилась Индия, получив статус наблюдателя. Это благоприятствовало возникновению механизма постоянных политических консультаций в формате РИК (Россия — Индия — Китай) на уровне министров иностранных дел.

С другой стороны, в 2003 г. стартовала институционализация взаимодействия Бразилии, Индии и ЮАР, сформировавших объединение, именуемое IBSA. Бразилия и Индия в данном случае логично сочетают свои интересы, связанные с претензиями на постоянное членство в СБ ООН, с решением задач международной безопасности в Южной Атлантике (Бразилия) и в Индийском океане (Индия). Связующим звеном для Бразилии и Нью-Дели в созданной конструкции служит ЮАР, что недвусмысленно говорит о стратегическом интересе обоих гигантов укрепить свои позиции на африканском континенте. В первоначально продекларированных целях IBSA акцент делался на совместном решении экономических и социально-гуманитарных задач. В последнее время повестка дня IBSA симптоматично дополняется коллективными мероприятиями по обеспечению международной безопасности в сопредельных зонах стратегического контроля, на которые вполне логично ориентируются Бразилия и Нью-Дели. Показательны в этом смысле, крупномасштабные совместные военноморские маневры членов IBSA, проведенные в 2008 г. Более того очевидно, что оба гиганта предпринимают соответствующие превентивные меры, стремясь обозначить свое присутствие в прилегающих к ним пространствах Южного полушария до того, как здесь в полной мере реализуются военно-политические амбиции североамериканского гегемона и претензии НАТО на продвижение в южном направлении (настораживающий симптом — наращивание 4-го флота ВМС США). Для Индии, помимо всего прочего, это важно, поскольку помогает ей преодолеть геополитическую «зажатость» между мусульманским миром и зоной китайской экспансии. В свою очередь, Бразилия весомо дополняет южно-

американскую проекцию своей стратегии южно-атлантическим и африканским направлениями. Показательно, что уже в момент создания IBSA в устах «отцов-основателей» звучал тезис о том, что IBSA — организация, открытая для таких стран, как Китай и Россия. К сожалению, тогда ни с российской, ни с китайской стороны не последовал какой-либо внятный ответ. Соответствующая политическая воля тогда еще не созрела. Но она очень быстро стала созревать — подспудно и без лишнего шума (что, видимо, и объясняет запоздалую реакцию экспертного сообщества).

С 2005 г. ежегодно проводятся встречи министров иностранных дел на Генассамблее ООН в формате БРИК. Несколько специальных (вне рамок ООН) встреч глав дипломатических ведомств уже проведено в формате РИК. Решающим рубежом следует считать майское (2008 г.) совещание министров иностранных дел Бразилии, России, Индии и Китая в Екатеринбурге, на котором было согласовано проведение скоординированной политики по ключевым глобальным проблемам и, учитывая осложнение ситуации в мировой экономике, решение активизировать консультации по финансово-экономическим вопросам с целью совместного поиска превентивных мер. Во исполнение этого намерения Бразилия приняла в конце 2008 г. министров финансов четверки. Нынешний год вывел координационные встречи на уровень саммита, который в июне состоялся в Екатеринбурге.

Каким путем может пойти институционализация БРИК в дальнейшем? Каков может быть вес этой теперь уже квазиинституционализированной группировки в глобальном регулировании и каков смысл для участия России в этом новом формировании? Как представляется, рассуждать на эту тему можно лишь с учетом следующих обстоятельств.

Во-первых, мы начали наш анализ с констатации переходности эпохи, которая определялась неравномерностью развития основных субъектов международных отношений, что предполагает сочетание процессов восхождения и нисхождения, продуктом которых является изменение соотношения сил и влияния на мировой арене. Происходит это поэтапно и с неизбежностью должно сопровождаться перестройкой международной институциональной архитектуры. Неадекватность прежней архитектуры уже признана практически повсеместно, тем более в свете мирового экономического кризиса. В какой мере элементы новой архитектуры обязаны повторять стереотипы прошлых институциональных структур на мировой арене? Здесь, естественно не может быть «простого воспроизводства». По мере реализации перехода от биополярности и кратковременной однополярности к многополярности в контексте диалектики «восхождения-нисхождения» **будут несомненно сосуществовать прежние и новые институциональные структуры, меняя соотношение, пропорции лишь постепенно и поэтапно до тех пор, пока не будет сформирована новая модель, новая система глобального регулирования, обеспечивающая устойчивое равновесие адекватно изменившемуся соотношению сил.** Вряд ли кто-то уже сегодня возьмется очертить контуры новых структур. Но мы вправе апеллировать к примерам тех структур, которые адекватны изменяющимся мировым условиям. Можно говорить, что «большая семерка» и расширившаяся НАТО под предводительством Вашингтона, подменявшая в критических ситуациях механизм ООН, были адекватны ситуации однополярности. Появление ШОС, IBSA, в какой-то мере Южноамериканского союза, имеющего

шанс дополниться Южноамериканским советом обороны, и проекты создания региональных альтернатив МВФ знаменуют отход от однополярности.

Замещение G-8 Группой тринадцати (т.е. «большой семеркой» плюс БРИК, Мексика и ЮАР), которое предлагал прагматик Николя Саркози, возможно станет признанием уже изменившейся расстановки сил на очередном этапе исторического перехода. Впрочем, подобный проект де-факто уже превзойден в формате «большой двадцатки». Центральная задача саммитов «двадцатки» — коллективные действия по преодолению мирового экономического кризиса — еще далека от своего решения, результаты вашингтонской и лондонской встреч пока не дают серьезных оснований для оптимизма. Но движение в верном направлении уже обозначилось. Институциональная ткань мировой системы, несомненно, по ходу дела пополнится другими новообразованиями. Но также несомненно, что формирование новой архитектуры, опосредуемое диалектикой «восхождения-нисхождения», будет проходить через немалые тернии.

Это зависит, в частности, от преодоления инерции мышления в старых центрах гегемонии, особенно в вашингтонском истеблишменте. Но именно там инерция консерваторства особенно укоренена. Философия республиканских «неоконов» и их поведение на международной арене — лучшее свидетельство. После августовских событий на Кавказе многие у нас и за рубежом заговорили о втором издании «холодной войны». Думаю, в данном случае не стоит абсолютизировать негативный резонанс на наши действия. Но, с другой стороны, ожесточенная реакция Вашингтона и его зарубежной клиентуры — определенная веха в цепи событий последних двух-трех лет, указывающих на линию сдерживания и отбрасывания, проводимую Вашингтоном в отношении восходящей России. Очевидно, что в более жесткой либо более мягкой форме эта тенденция будет проследиваться не только в отношении РФ. Попытки нарушить поступь восходящих гигантов, пожалуй, вполне объяснимая реакция нисходящих. И посему впереди весьма вероятна историческая полоса трений и столкновений. Даже с учетом надежд на определенный реализм администрации Б.Обамы.

Только не стоит, наверное, пользоваться образом «холодной войны» для характеристики этого периода. Прежде всего, поскольку в нынешней ситуации отсутствует соответствующий идеологический стержень. Конечно, остается фактор мессианской психологии. Но он теперь действует с другой стороны. Речь идет теперь не об экспорте «революции», а об экспорте «демократии». (Впрочем, если вспомнить «цветные революции», то существует и этот мотив.) Но уж коль скоро раньше мы использовали образ, то и сегодня не грех воспользоваться аналогичным приемом, однако уже с другим звучанием, имея в виду иное содержание — геоэкономическое и геополитическое. Наше предложение — **«горячий мир»**. Естественно, этот образ придется раскрывать соответствующими определениями и терминами применительно к современной и будущей ситуации.

Закономерно возникает вопрос: почему Россия стала первоочередным и преимущественным объектом политики сдерживания? Хотя, казалось бы, со стороны Китая брошен гораздо более мощный вызов США и «коллективному Западу». Дело, на наш взгляд, в нескольких обстоятельствах. Во-первых, Россию хотели бы «осадить» как вторую военную державу, которой теперь это уже «не по рангу». Во-вторых, как крупнейшую ресурсоизбыточную державу. На Запа-

де намекают, что нам следует поделиться с «международным сообществом». Между тем «великодержавные амбиции» нынешней России явно мешают «коллективному Западу» превратить ее в послушного поставщика. Наконец, на Западе видят немало уязвимых мест в экономике и социально-политической ситуации России и пытаются воспользоваться ими «пока не поздно». Поздно же, по его мнению, может быть в двух случаях. Во-первых, когда российский потенциал упрочится настолько, что уколы и маневры Запада перестанут быть для него ощутимым риском. Во-вторых, если это не удастся, и Россия и, соответственно, ее ресурсы подпадут под «протекторат» Китая.

Прагматизм и гибкость применительно к Китаю при всем гегемонистском комплексе «неоконов» объясняется тем, что тот, по их представлениям, переступил ту грань, за которой Западу уже не под силу добиваться своих целей посредством прямого давления. Кроме того, в последнее время (особенно в ходе нынешнего кризиса) выявилась тесная экономическая взаимозависимость США и КНР. Поэтому в данном случае Вашингтон отдает предпочтение «искусству возможного».

Уже сегодня мы видим, как отличается от российского и даже китайского случая поведение в отношении Индии и Бразилии. Не будем загадывать наперед относительно подходов команды Б.Обамы. Важно, что еще Дж.Буш и К.Райс в диалоге с Бразилией и Нью-Дели акцентировали тезис о необходимости активного сотрудничества «трех самых многонаселенных демократий мира». Евросоюз пошел навстречу Бразилии и Индии, заключив с ними соглашения о стратегическом партнерстве. США подписали широкомасштабный договор с Индией, де-факто ставшей ядерной державой, о сотрудничестве в ядерной области (при всем своем предубеждении против распространения ядерных технологий). С Бразилией Вашингтон поспешил заключить широкомасштабное соглашение в области производства наиболее перспективного альтернативного топлива — биоэтанола, рассчитывая таким образом контролировать быстрорастущий рынок.

Очевидно, что и в дальнейшем Запад предпочтет «индивидуальный подход» к странам БРИК, стремясь предотвратить их сплочение и коллективные действия. Совсем не исключено, что «большая семерка» уже в краткосрочной перспективе согласится на полноправную кооптацию Индии, Китая и Бразилии (а, может быть, и шире — Мексики, Южной Кореи, ЮАР) с тем, чтобы **упредить консолидацию блока БРИК**.

В ближайшей и отдаленной перспективе БРИК для России представляет собой достаточно реальную и действительно внушительную альтернативу стратегического позиционирования на мировой арене. Это несколько не отрицает многовекторный характер нашей внешней политики, а лишь придает ему большую устойчивость и диапазон. При этом очевиден «обратный» позитивный эффект: чем теснее и результативнее будет наше взаимодействие в формате БРИК, тем «деликатнее», в конечном счете, придется действовать «коллективному Западу» применительно к России.